

Посвящается моим детям

*Посвящается всем женщинам,
которые пребывают в молчании,
мечтая когда-нибудь из него выбраться*

Правосудие — это право самого слабого.
Жозеф Жубер

ГЛАВА I

ДЕТСТВО

Сколько себя помню, я постоянно слышала, как мать к месту и не к месту повторяла:

— Чем я прогневала Всевышнего, что он наказал меня дочерью?

Эти слова давно стали ее излюбленной жалобой. Слышать их было больно. Я родилась девочкой, но не выбирала этого и ничего не могла изменить. Сегодня же злобное материнское сетование кажется мне всего лишь далеким шепотом, и я рада, что освободилась от его разрушительной власти.

Да, мне суждено было быть ребенком женского пола в семье мусульман, к тому же алжирцев; это определило мою судьбу с первых же мгновений жизни. Потребовалось много времени и сил, чтобы доказать, что я — личность, и отстаять свою свободу. Но теперь я горжусь той женщиной, которой стала!

***

В самом нежном возрасте я уже знала, что быть девочкой нежелательно, но причина этого оставалась мне неизвестной. Когда мне было около пяти лет, я попыталась это выяснить.

— Мама, почему ты меня не любишь?

— Ты еще осмеливаешься спрашивать! — Она бросила на меня презрительный взгляд. — Будто не знаешь, что матери предпочитают сыновей дочерям.

Мать пребывала в полной уверенности, что говорит нечто очевидное. Она велела мне сесть рядом, что бывало крайне редко: судя по всему, я должна была выслушать что-то очень важное.

— Видишь ли, Самия, матери не хотят иметь дочерей, потому что те приносят семье лишь бесчестье и стыд. Родители должны кормить их и следить, чтобы девочки вели себя достойно, до того дня, когда эту заботу возьмут на себя мужья. Дочери — постоянный источник забот.

Я была заинтригована той важностью, которую, по ее словам, все матери мира придают слову «бесчестье».

— А что такое бесчестье, мама?

— Тсс, не говори о плохом! В твоём возрасте нечего забивать себе этим голову; все, что от тебя требуется, — это слушать мать и вести себя как подобает. Придет время, и я тебе все объясню. А пока до самого дня своей свадьбы будь хорошей девочкой!

— Моей свадьбы? Но я не хочу выходить замуж, мама! Я не хочу покидать вас. Мне надо вырасти и заботиться о тебе и папе, когда вы станете старыми.

— Нет, это невозможно. У нас уже есть четверо сыновей, а если Всевышнему будет угодно, родятся еще, — они и возьмут на себя заботу о нас. Ты — девочка, и поэтому твоим долгом станет заботиться о муже.

В мусульманских странах — что особенно заметно на примере моей семьи — появление на свет сына

является благословением, а вот рождение дочери — наоборот, проклятием. Мусульманка не знает, что такое самостоятельность. Всю жизнь за нее отвечает мужчина. Сначала она зависит от своего отца, затем от мужа. А значит, для своих родителей она всего лишь обуза. Эта точка зрения передается из поколения в поколение, и в конце концов маленькая мусульманка сама начинает воспринимать себя как божье наказание. Итак, я была проклятием семьи, а по возрасту занимала место ровно посередине — между двумя старшими и двумя младшими братьями.

***

Мои родители были эмигрантами из Алжира, переехавшими во Францию в конце пятидесятых годов двадцатого века. Они обосновались в достаточно благополучном пригороде Парижа, где я появилась на свет и провела первые годы жизни. Мой отец — богатый фабрикант — сделал себе состояние на производстве тканей; также в сферу его деловых интересов входил ресторанный бизнес.

У меня имелась единственная подруга, Амина, как и я, дочь алжирских эмигрантов, но из бедной семьи. Ее отец работал уборщиком. Моя мать приходила в ужас оттого что я хожу к этой девочке, так как считала их семью недостойной нашего общественного положения. Уже в шестилетнем возрасте я считала, что Амине повезло в жизни больше, чем мне: несмотря на бедность, родители окружали ее любовью и вниманием.

Однажды во время игры в куклы Амина затеяла бурный спор о значимости наших имен.

— Мое имя намного красивее твоего! — воскликнула она.

— Нет, мое красивее! — тотчас возразила я.

На самом деле свое имя я не любила: оно казалось мне старомодным и тяжеловесным. Но признаваться в этом я поостереглась, так как не хотела уступать победу.

— Мое красивее. Мама выбрала его потому, что так зовут ее лучшую подругу, которая живет в Тунисе. Мама хотела, чтобы я стала такой же красивой и умной, как та тетенька. Так и случилось, мама мне сама об этом сказала, — с торжествующим видом продолжила Амина.

— Мое имя тоже выбрала мама, потому что хотела мне того же самого, — заявила я, не сомневаясь, что говорю достаточно убедительно.

Почему меня так называли, я выдумала, чтобы не отстать от подруги. Амина сказала мне правду, в этом я не сомневалась. А вот мне требовалось узнать о происхождении своего имени побольше.

Горя желанием, я поспешила к матери.

— Мама, расскажи мне, пожалуйста, как я родилась...

— Нечего тут рассказывать, — угрюмо ответила она. — Это был самый худший день в моей жизни.

Мое сердце дрогнуло от сострадания.

— Я знаю, мама, что из-за меня тебе было очень больно!

Мать нахмурилась, ее взгляд сделался напряженным.

— Больно? Да, очень, но особенно болела душа. В тот день сопровождать меня в родильный дом пришлось соседке: твой отец покупал новое заведение. Когда врач объявил, что родилась дочь, я почувствовала, будто небо падает мне на голову. Я представляла

себе, как будет разочарован твой отец, и очень боялась испортить ему радость. Вот почему я попросила соседку выбрать тебе имя.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты сделала это сама! Вот мою подругу назвать Аминой решила именно мама.

— Не важно. Главное, что сейчас твое имя тебе нравится, — равнодушно произнесла мать.

Все мои приятные заблуждения исчезли.

— Оно мне совсем не нравится... — со слезами призналась я.

***

Однажды, когда я была у Амины, отец принес ей очень красивую куклу с длинными светлыми волосами; он нашел ее в мусорном ящике. Моя подруга была так счастлива, что бросилась в его объятия.

— Ты довольна? — радостно спросил он.

— Конечно, папа! Ты самый добрый, лучше всех пап на свете! Самия, посмотри, какая красивая у меня кукла!

— Да, Амина, она очень красивая, а твой папа очень добрый!

Я отправилась домой, по дороге размышляя, какая же счастливица Амина. Когда я пришла, мать набросилась на меня и схватила за ухо.

— Где тебя носило?

— Я была у Амины, смотрела куклу, которую подарил ей отец. Мама, я не сделала ничего плохого!

— Еще бы ты что-то сделала! Мне не нравится, что ты ходишь в дом к уборщику. Готова спорить, эту куклу он нашел в каком-нибудь мусорном ящике... Я права, ведь так?

— Да, мама, ты права, но кукла была совсем чистой. Мама Амины ее помыла.

— А вот ты согласилась бы принять в подарок куклу, которую нашли в помойке?

— Если бы мне дал ее папа и если бы она была такой же красивой, — конечно, взяла бы, — чистосердечно призналась я.

— Твой отец никогда не опустился бы до того, чтобы дать тебе такую куклу, — оскорбленно заметила мать с демонстративно высокомерным видом.

Сказав это, она повернулась ко мне спиной и пошла заниматься своими делами. Но поскольку мои вопросы были не исчерпаны, я направилась следом.

— Почему он никогда не делает мне подарков? Он мог бы что-нибудь купить мне, чтобы порадовать.

— Порадовать? Тебя? А ты что-нибудь сделала, чтобы порадовать своего отца?

— Да! Я его слушаюсь и всегда хорошо себя веду.

— А знаешь, что действительно доставило бы удовольствие твоему отцу?

— Нет! Скажи мне это, пожалуйста!

— Чтобы ты никогда не рождалась на свет! — со злобой бросила мать.

В тот вечер я решила попросить у отца куклу. В свою затею я посвятила Малека — брата, который был на год младше, — однако тот стал убеждать меня не делать этого, особенно если отец вернется с работы усталым.

— Пошли лучше поиграем с моим гаражом, — с готовностью предложил братишка.

Но меня ничего не интересовало. Мне хотелось только одного: тоже показать подруге свою куклу.

Едва войдя в дом, отец направился в гостиную и буквально рухнул в любимое кресло. Мать — как это

происходило каждый вечер — принесла тазик с теплой водой, в которую отец погрузил ноги.

Когда я вошла, отец сидел, закрыв глаза, мать же, стоя на коленях, мыла ему ноги. Не лучшее время, чтобы чего-то просить: отец мог рассердиться и ударить меня.

Вернувшись к себе в комнату, я написала записку: «Папа, я люблю тебя и хочу куклу. Ты самый добрый папа на свете!» Свое послание я спрятала ему под подушку. В тот вечер я уснула, надеясь, что папа подарит мне такую желанную куклу. Чуть позже ко мне в комнату ворвалась мать.

— Это твоя записка?! — злобно спросила она.

— Да, — ответила я, толком не проснувшись.

— Что ты ему написала?

— Я попросила куклу.

— Забыла, что он не читает по-французски? А может быть, юная госпожа решила, что раз она умеет писать, то может насмехаться над отцом?

— Нет, мама. Я думала, что папа умеет читать на многих языках.

Все, что бы я ни делала, неизменно перетолковывалось. Меня заподозрили в тайном умысле, а я всего лишь написала записку с просьбой купить куклу! Старший брат объяснил мне, что об этой затее лучше вообще забыть. Наш отец ненавидит кукол: они от нечистого, и ни в одном благочестивом доме их не потеряют.

***

Однажды утром меня разбудили радостные крики братьев. Вскочив с кровати, я поспешила в кухню, откуда слышались голоса. Четверо моих братьев под присмотром матери наряжались во все самое лучшее. Вне

себя от волнения, они сообщили мне, что собираются на открытие нового папиного ресторана. Не желая от них отставать, я вернулась к себе в комнату и принялась одеваться.

— Что ты делаешь? — спросила мать, входя.

— Одеваюсь, чтобы идти в ресторан.

— Нет, ты останешься дома. Туда имеют право ходить только мальчики.

— Почему? Я тоже хочу.

— Но ты не мальчик! Когда у тебя вырастет пенис, тогда и вернемся к этому разговору. А сейчас ты никуда не пойдешь! — отрезала она.

— Хочу, чтобы мне его купили. Хочу пенис, — ответила я не менее решительно.

Мать была в ярости! Схватив половину стручка горького перца, она принялась с ожесточением натирать им мне рот. Боль была невыносимой. Ноги подкашивались... Едва я добралась до крана, чтобы унять жжение на губах, как мать силой отвела меня обратно, в комнату, и заперла там.

— Мама, мне больно! Пожалуйста, мне нужно воды! — кричала я изо всех сил.

В отчаянии я слышала, как где-то далеко она напевает. Мать занималась какими-то хозяйственными делами, не обращая на меня внимания, бесчувственная к моим страданиям. Была зима, окно покрывал иней, чем я и воспользовалась, приложив губы к стеклу. По-немногу боль утихла, и я заснула.

***

Наконец наступило Рождество — праздник, который у мусульман считается языческим. Несмотря на это, большинство родителей приобретает подарки

своим детям, чтобы те не завидовали остальным, которые их получают. Год был успешным, поэтому отец купил по подарку каждому из нас. Братья получили невероятное количество красивых игрушек; кроме того, им разрешили пригласить в гости друзей.

Я же познакомилась с Лапочкой — толстеньким плюшевым мишкой с коричневой шерсткой и круглыми глазками. Я полюбила его с той самой минуты, как увидела. Мой первый в жизни подарок... Как я была счастлива! Мне очень хотелось прыгнуть отцу на шею, как это сделала Амина, но я сдержалась. В нашей семье воспитанная девочка не должна так себя вести с отцом. Он был бы этим очень недоволен.

Взяв мишку, я побежала к подруге. Наконец-то я тоже смогу похвастаться перед ней и показать первый подарок, купленный моим папочкой.

— Амина, посмотри, какой у меня мишка. Это мне папа купил! Правда красивый?

— Да, очень, — ответила подруга, радуясь, что может разделить мое счастье.

Ей отец подарил пару хороших куколок-негрятенок. Но Лапочка оставался самым красивым из всех игрушек, ведь это был подарок моего папы. Медвежонок сопровождал меня всюду, кроме школы, но зато с какой радостью я снова встречалась с ним по вечерам! Лапочка стал моим товарищем по играм и хранителем всех моих секретов.

ГЛАВА II

ОТРОЧЕСТВО

Однажды вечером мать собрала нас в гостиной — четверых моих братьев и меня. Она сообщила, что мы уже сделали себе во Франции состояние и теперь отец планирует вернуться в Алжир для новых, еще более многообещающих проектов. От перспективы увеличения нашего семейного капитала братья пришли в восторг.

— Вот это да! Мы скоро станем еще богаче! И вернемся домой! Снова увидим море и солнце! Вот это прекрасная жизнь! — хором восклицали они.

Как мне сообщить новость подруге? В тот же день Амина с матерью пришли к нам в гости, и им сказали о нашем будущем переезде.

— Мы никогда не расстанемся, ведь я всегда буду в твоём сердце, — заверила подруга, сжав меня в объятиях. — Каждый раз, когда ты будешь разговаривать со своим мишкой, он мысленно свяжется с моими куклами, а те мне все повторяют. Как только ты почувствуешь себя несчастной, по секрету скажешь об этом Лапочке, и я тебе отвечу.

Мы обе горевали от одной мысли, что скоро расстанемся. Тогда мне было чуть больше семи лет.

***

Ранним утром мать разбудила меня.

— Быстро одевайся, иначе опоздаем на паром. Давай же, пошевеливайся!

— Но я не попрощалась с Аминой!

— Забудь про нее! Одевайся и приходи пить молоко. Время поджидает. Не серди своего отца!

Я быстро оделась и залпом выпила стакан молока в надежде, что перед отъездом успею попрощаться с подругой. Но когда я уже выходила из дома, мать схватила меня за шкуру.

— Вернись, паршивка! — крикнула она. — Амина спит, сейчас только пять часов утра!

В который раз Лапочка утешил меня. Я смирилась с тем, что не скажу «до свидания» лучшей подруге.

Вслед за отцом из дома вышли мои братья. Мать толкнула меня, снова велев поторапливаться. Протянув корзину, которую мне предстояло нести, она выхватила у меня из рук мишку.

— Не хочу, чтобы ты таскала эту дрянь, достаточно тебе и корзины! — С этими словами она закинула Лапочку на шкаф.

— Мама, пожалуйста, отдай мне мишку! — изо всех сил закричала я, давась рыданиями.

Мать оставалась бесчувственной к моим слезам. Вытолкнув меня из дома, она заперла дверь, после чего направилась к соседке, чтобы отдать ей ключ. Открыв дверь, мать Амины заметила, в каком я состоянии.

— Что случилось, моя прекрасная Самия?

— Не хочет уезжать, не попрощавшись с подружкой! — возмущенно воскликнула мать.

— Подожди, Варда! Я разбужу Амину. Это очень важно.

Я продолжала плакать, требуя своего мишку. Амина быстро сбежала по лестнице и бросила в сторону моей матери взгляд, полный ненависти.

— Я здесь, я здесь, не плачь больше, — повторяла подруга тем голосом, каким обычно старшие утешают младших.

Я зарыдала еще сильнее:

— Лапочка остался на шкафу в коридоре. Я не смогла его оттуда забрать и теперь не смогу ему ничего рассказать, и он ничего мысленно не передаст твоим куклам. Как же мы будем общаться?

— Поторапливайся и выходи! Иначе сильно пожалеешь, — пообещала мне мать, буквально kloкоча от гнева.

Амина едва успела сказать, что пойдет и заберет Лапочку и что всегда будет о нем заботиться. После этого я вышла, опустив голову, чтобы никого не видеть.

Я села в совсем новую красивую машину отца. Господи, как же я была несчастна без Амины! А теперь у меня не было и Лапочки — единственного утешения. Мне уже не хватало лучшей подруги. Я снова и снова думала о наших играх и обо всем, что мы пережили вместе. Как же несправедлива ко мне жизнь!

Что со мной будет там — в стране, о которой я совсем ничего не знаю? Все вокруг меня улыбались, а мое сердце буквально разрывалось от горя. Братья пребывали в радостном возбуждении, предвкушая, сколько хорошего ожидает их в Алжире. Устроившись на передних сиденьях, родители говорили о нашем новом доме на берегу моря, обсуждали, что там нужно будет сделать. Все строили планы на будущее, я же думала только о прошлом, о котором уже тосковала! Стоило мне лишь подумать о своей новой стране, как я чувствовала

смутное беспокойство, охватывающее меня, казалось бы, без всякой видимой причины.

***

Вместе со своими родными я поднялась на борт огромного парома, сойти с которого через сутки нам предстояло уже в Алжире. Мне не хотелось выходить из каюты, которую я делила с младшими братьями. Однажды в полдень, когда они бегали по палубе, мать спустилась за мной. Она велела мне отправиться в роскошный ресторан, находящийся здесь же, на пароме, но я не захотела даже подняться на ноги. Мать впала в ярость. Одним прыжком преодолев разделяющее нас расстояние, она резко схватила меня за руку.

— Вставай! — крикнула она, заноса ладонь для удара.

Я закрыла лицо, но, к моему большому удивлению, мать передумала меня бить.

— Знаешь, почему мы покидаем Францию? Какова главная причина? — неожиданно спросила она.

— Нет... — чистосердечно призналась я.

— Мы делаем это ради вас, наших детей, и в особенности ради тебя! — торжественно объявила мать.

— Ради меня?

— Да, ради тебя! Франция — не самая подходящая страна, чтобы воспитывать детей. И еще меньше она подходит для воспитания нашей дочери. Мы хотим дать тебе правильное воспитание, достойное хорошей мусульманки.

Я не представляла, что означают слова «хорошая мусульманка». Вскоре мне предстояло открыть это для себя.

Наступила ночь, и все отправились по своим каютам. Мать пошла укладывать моих братьев, приказав мне

укрыться одеялом, что было немедленно выполнено. Затем, погасив свет, она вышла из комнаты.

— Самия, как ты думаешь, в Алжире очень жарко? — спросил Камель, самый младший из моих братьев.

— Думаю, да.

— Как по-твоему, люди там добрые? — снова спросил он.

— Конечно добрые. Там живут наши бабушки и дедушки, они наверняка будут нас баловать. Спи, братишка.

Закрыв глаза, я снова представила Амину. Сейчас она уже, безусловно, забрала моего мишку со шкафа. Не сомневаясь, что Лапочка в безопасности, я спокойно уснула.

Ранним утром нас разбудил пронзительный крик матери:

— Вставайте, быстро! У нас всего два часа, чтобы позавтракать и собраться. Самия, помоги Малеку одеться, а потом — живо в ресторан!

Я помогала Малеку, который был на год младше меня, она же в это время одевала Камеля.

— Самия, я люблю тебя, — очень серьезно заявил Малек. — Мне так грустно, когда мама на тебя злится. Когда я вырасту, буду тебя защищать и никому не позволю тебя ударить.

— Ты такой добрый, Малек! А теперь идем, иначе мама будет недовольна.

Смеясь и крича, мы побежали по длинному коридору парома догонять остальных. Каждый занял место за столом, чтобы позавтракать. Вскоре нам предстояло ступить за землю предков.

— Проезжайте! Проезжайте! — кричал капитан парома, раздраженно махая на нас руками.

На большой красивой машине вся наша семья въехала на территорию Алжира¹.

Мы разглядывали людей своей новой родины: как же они отличались от французов, которых мы до этого знали! На набережной грязные дети играли рядом с мужчинами в джеллабах². Брат спросил, почему на дяденьках длинные платья.

— Это не платья, — с улыбкой ответила мать. — Здесь мужчины так одеваются, чтобы легче было переносить жару.

Увидев женщину, с ног до головы закутанную в белую ткань, так что оставались видны только глаза, я не могла поверить собственным глазам.

— Это привидение? — не на шутку перепугавшись, спросила я.

— Нет же, глупая! Так одеваются все хорошие мусульманки. А через несколько лет и ты тоже так оденешься.

Мать повернулась к моему отцу в поисках одобрения. Взглянув в зеркало заднего вида, тот перехватил мой взгляд.

Помню, в то самое мгновение я решила, что никогда не оденусь как та женщина, будь она хоть образцом мусульманки.

Чем дальше мы двигались вперед по улицам города, тем больше меня пугала окружающая обстановка. Слишком жарко, повсюду грязь. Люди вокруг говорят по-арабски. Улицы полны «хороших мусульманок», мужчин в длинных платьях и детей, играющих посреди дороги, даже совсем малышей. Прямо среди проезжающих

---

¹ Столицей государства Алжир является город под названием Алжир. — *Здесь и далее прим. перев.*

² Мусульманская одежда. Представляет собой платье (для женщин) или рубаху (для мужчин) до пят.